

УДК 130.2+811.161.1
ББК 63.5+ 71.05

Матонин Василий Николаевич,

кандидат исторических наук,

*главный редактор историко-краеведческого альманаха «Соловецкое море»,
доцент кафедры культурологии и религиоведения,*

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
Наб. Северной Двины, д. 17, 163000 г. Архангельск, Российская Федерация*

E-mail: matoninv@yandex.ru

РОДОВЫЕ ИМЕНА И «УЛИЧНЫЕ ФАМИЛИИ»: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА КЕНОЗЕРЬЯ И ПОМЕЗЕНЬЯ

Аннотация: Цель исследования — определить механизм имянаречения как один из способов формирования коммуникативного пространства. На основе полевых материалов, собранных автором в 2000–2013 гг., осуществлён сравнительный анализ родовых имён и «уличных фамилий» (прозвищ) в Кенозерье и Помезенье — районах Архангельской области, где в одном случае преобладает земледелие, а в другом — рыбные промыслы. Родовые имена крестьяне получали по именам родителей или ближайших родственников, по месту жительства или рождения, по внешним признакам человека или его привычкам. Прозвища становились официальными фамилиями и служили инструментом идентификации. Родовые имена и прозвища выражены именем существительным в сёлах, где преобладающей формой хозяйствования были морские промыслы. Прозвища и родовые имена, производные от имени прилагательного, преобладают в сельскохозяйственных районах. Этот факт, по мнению автора, свидетельствует об особенностях менталитета промышленников и земледельцев.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, Кенозерье, Помезенье, Лекшмозерье, имянаречение, «уличные фамилии», идентификация.

Исследование словесных маркёров, позволяющих разделять «своих» и «чужих» в локальном коммуникативном пространстве, актуализировано проблемой диалога культур в эпоху глобализации. В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова осуществляется целенаправленное собирание «уличных фамилий» как одно из направлений студенческой фольклорной практики. В отечественной науке эту тему разрабатывают М. Ю. Кудряшова и Ю. Б. Воронцова. Наиболее полная систематизация локально-групповых прозвищ в традиционной культуре Русского Севера осуществлена Н. В. Дранниковой [1]. Прозвищный фольклор в монографии архангельского профессора систематизирован и представлен как целостный феномен традиционной культуры, включающий в себя

© Матонин В. Н., 2014

функциональность, жанровую природу и этнопоэтику. В данной статье на основе полевых материалов, собранных автором в 2000–2013 гг., осуществлён сравнительный анализ родовых имён и «уличных фамилий» в Кенозерье и Помезенье — районах Архангельской области, где в одном случае преобладает земледелие, а в другом — рыбные промыслы.

Имяноречение — один из важнейших инструментов идентификации человека и сообщества, к которому он принадлежит. Ещё в дохристианские времена у восточных славян были прозвища, образованные от имён родоначальников. В традиционной культуре род объединял несколько семей со своими фамильными именами [7, с. 91]. С появлением совхозов и «неперспективных деревень» в 60-е гг. XX в. признаки этнокультурной локальности (когда «в одном селе говорят, а в другом — не понимают») начали постепенно исчезать из сельской жизни [4, с. 16–22].

Говоря о Кенозерье, мы имеем в виду территорию Кенозерского национального парка, пространственного на территории Каргопольского и Плесецкого районов.

Особенности ландшафта Кенозерья определяет система озёр ледникового происхождения с изрезанными берегами и множеством островов. Холмы, покрытые лесом, сочетаются с широкими озёрами. Климат мягкий, ровный, но погода изменчива. Небольшие деревни раскинулись на мысах, островах и на берегах глубоких заливов, где лодка — главное транспортное средство. Озёра «до колхозов» были постоянным и основным источником питания местных жителей, наряду с земледелием и скотоводством [1, с. 94–98]. Преобладали новгородские приёмы и формы хозяйствования. Основная форма земледелия — трёхполье. Сенокосные угодья разбросаны по лесу небольшими участками. Значительное место в хозяйственной деятельности занимала лесная охота. Дома ставили «глазом на воду»: окнами к воде. Среди кустарных промыслов наиболее заметны столярное и красильное дело, сапожное и швейное мастерство. Каждый хозяин умел сшить лодку, изготовить из бересты, лучины или дерева короба, лукошки, корзины, сельскохозяйственные орудия [2, с. 33–45]. Местные жители отличаются спокойным характером. Они доброжелательны, гостеприимны, но осторожны в общении. Характеристики ландшафта и климата проецируются на особенности характера сельских жителей. Если природу воспринимать как «текст», то культура будет его цитированием. В каждом селе по настоящему времени сохраняются пять — шесть местных фамилий. В деревнях Морщихинской и Масельге было шесть семей Солодягиных. Все они состояли в родственных связях. Степень родства косвенным образом обозначалась «уличными фамилиями». Солодягины — Макаровы (от Макара). Солодягины — Рыбины (по деревне Рыбино). Братья Рыбины — Андрей и Онуфрий. Онуфрия звали Онуша. Сын Онуфрия стал называться Онушин. Поэтому Солодягины — Рыбины и Онушкины — прямые родственники. Солодягины — Аграпкины (от Агриппины). Солодягины — Арсенины (сыновья Арсения). Солодягины — Микишкины (отец их — Никифор или Микифор — Микишкин)¹.

¹ Калитин Е. В., 1929 г. р., д. Мыза.

Николая Боголепова из Лекшмозера называли Морозковым по девичьей фамилии матери — Мани Морозковой. Боголеповых также именовали Макарейковыми². По этому же принципу различали Ушаковых, Нефедовых, Поповых, Хариних, Поповых. Ушаковы — Софоновы (дети Софрана). Ушаковы — Овдюшины (их отца звали Евдоким, а сокращённо — Овдюха). Нефедовы — Репины. Нефедовы — Ермилковы. Их отца звали Ермилом. Дети обычно различались по отцу³. Харини — Карсаковы (отца Ефрема называли «Ихрем Карсаков»). Поповы — Петушковы. Их мать — Петушкова Анна. Её детей называли Петухами, а фамилия у них была Поповы. Поповы — Матвейнины (по Матвею), Поповы — Стиневы (их отец — «Шаша Стинев»). Поповы — Варламковы. Дедушка у них был Варлаам [4].

Борзоноговых звали Васиными. Было два брата — Митька Васин и Мишка Васин. Патракеевы — Харичевы. Харичевы — Оськины (отец Осип). Гусевы из Челмы — Криневы (это девичья фамилия одной из жён братьев Гусевых, и её только одну называли такой фамилией), Моховы, Крайний⁴.

Прозвище могло быть дано по месту жительства. Были, например, Поповы — Паковы (по деревне Паково). Были Калитины — Глубокозеровы. Родом из деревни Глубокое Озеро на Кенском волоке. Калитина Нина Фёдоровна — «по деревне» — Улина (деревня Улино) [5]. Были также Калитины — Овдюшины, Ошмарихины, Мотошихины, Манушкины, Куртины, Петрушковы (дедушку звали Петрушенко), Барановы, Аникиевы, Ганьковы, Маньчиковы, Пешкины⁵.

Прозвища давали также по профессии. Двоюродные братья Моховы в Усть-Поче родом из Челмы — Александр Фёдорович и Александр Иванович. Их звали Кузнецами, потому что отец Моховых работал кузнецом.

В отдельных случаях причиной появления прозвища становились привычка, случай, недоразумение. Рассмотрим два характерных примера. У Шишкиных (из деревни Шишкино в с. Вершинино) были прозвища Сотковы и Зоновы. О происхождении прозвища Зоновы рассказал Шишкин Афанасий Кузьмич (1905 г.р., д. Шишкино): «Деревня у нас небольшая. Всего двадцать домов. За исключением двух семей, все по фамилии Шишкины. Придумали наши предки для удобства и связи друг с другом разные прозвища. У нас первоначально было прозвище Сотковы. Потом почему-то это прозвище забылось, и нас стали звать Зоновы. Откуда оно возникло, я узнал у Григория Ивановича Маурина. Раз я пришёл к нему. Он сидел и шил сапоги.

— Здравствуй, дядя Гриша!

— А-а, Офонасий! Здравствуй, здравствуй! Ну, садись сюда поближе. Так ты, говоришь, деда своего не помнишь?

— Не помню, я маленьkim был.

² Смолко Н. М., 1931 г. р., д. Масельга. Живёт летом в Лекшмозере, зимой — в Архангельске.

³ Калитин Е. В., 1929 г. р., д. Мыза.

⁴ Аникиева Е. И., 1928 г. р., с. Ошевенск. Живёт в с. Усть-Поча.

⁵ Овчинникова А. Н., 1935 г. р., с. Суземка. Живёт в с. Вершинино.

— Да-да, где тебе помнить! Хороший старичок. Двадцать лет солдатскую лямку тянул. Вот тогда какая служба была! Где-то в Польше нёс службу. А ты знаешь, почему вас Зоновыми называют?

— Не знаю.

— Да и где тебе знать! Вот нас Мауриными прозывают. Не знаю, почему, откуда и когда появилось это прозвище. А вот ваше прозвище — от песни.

— Как от песни? Расскажи, дядя Гриша!

— Ну, слушай! Ваш покойный дедушка Иван Осипович — весёлый человек был. Бывало, выпьет немного и запоёт:

Хаечка стояла,
Водкой торговала.
Водочку мы пили,
Хаечку любили.
Зон, зон, Вейка моя.
Трай, рий, рай.
Бом, бом, бом.

А песня-то какая? — Припев несуразный. Дедушка, видно, привёз её из Польши. Такой песни я не слыхал в наших краях, а дед её любил и часто пел. Вот с тех пор и стали вас называть Зоновыми» [5, с. 205–207].

Предки Калитина Евгения Васильевича (1929 г.р., д. Мыза) изначально носили прозвище Колонистовы. В первые годы советской власти их стали называть Коммунистовы. Непонимание значения слова «колонист» позволяло трактовать его как знакомое слово — «коммунист»⁶.

Происхождение «уличных фамилий» несёт в себе коммуникативную информацию, позволяющую установить разветвлённые родственные связи. У Морозовых из Думино была уличная фамилия Харины [6, с. 283]. Денисов — Мокин. Тишинины — Барбины. Макаровы (из Коровино) — Щелгачевы да Ковырины. Овчинниковы (из Вершинино) — Корзеевы⁷. Люди старшего поколения в Лекшмозерье и Кенозерье объясняют происхождение прозвищ «по дедам и прадедам», но значимость современных «уличных фамилий» единодушно отрицают: «Ноне молодёжь сама себе прозвищ надават». Разделение семей предполагало различие кровного родства по отцу, реже — по матери, по занятию отца, по месту жительства, иногда — по случайному, но наиболее ярким внешним признакам. Прозвища могли превращаться в официальные фамилии. Несоответствие звучания имён написанию приводило к их сближению. Например: «У меня три зятя — и все на одну букву: “Микола, Микита, Митрий”» [3].

Прозвища, которыми крестьяне из разных сёл и деревень наделяли друг друга, нередко представляли собой негативные и обидные характеристики. Жители

⁶ Калитин Е. В., 1929 г. р., д. Мыза.

⁷ Макарова А. И., 1922 г. р., с. Лекшмозеро. Родилась в д. Орлово.

Гужово — пыхуны, Масельги — шведы, Лекшмозерцы — голодаи. Когда из соседних сёл в Петропавловскую соборную церковь (в Лекшмозеро) жених с невестой ехали венчаться, местные парни и мужики перегораживали путь и просили выкуп. По местному преданию, эта ситуация определила отрицательное оценочное значение слова «голодаи»: «Им, голодаям, сколько ни давай, — всё мало!»⁸ Обвинение — это возможность самооправдания и способ самоидентификации. Это — скрытая форма экспансии в коммуникативном пространстве и недекларированная территориальная претензия. Освоение коммуникативного пространства предполагает вживление в его мифологию, понимание значения наименований, мерцающих оттенками смысла.

Имена и судьбы крестьян Кенозерья вырастали из принадлежности к месту жительства, имени или профессии ближайших родственников и были выражены прилагательным. Человек рассматривался по отношению к родству и к территории. Значение личности было вторичным по отношению к земле, к сельскому или профессиональному сообществу. Имя прилагательное подчёркивает признак предмета или его качество. Косвенным образом этот факт свидетельствует об одной из особенностей менталитета русской земледельческой культуры: её пассивном, «женском», консервативном характере. Хлебопашцы предпочитали ожидать событий, которые изменят жизнь, а не создавать эти события. Иначе говоря, не деятельность крестьян преобразовала действительность, а действительность побуждала крестьян к действиям. Крестьянам было легче приспособливаться к внешним обстоятельствам, нежели приспосабливать обстоятельства по отношению к себе. В Помезенье (на берегах р. Мезень), где хлебопашество утрачивает преобладающий характер по отношению к промысловой деятельности (к добыче сёмги и морского зверя), особенности имёнаречения видоизменяются.

В Азаполье основные занятия местных жителей — рыбный и морской зверобойный промыслы, охота на птиц и пушных зверей, земледелие. В небольших количествах азаполы выращивали ячмень, репу, картофель, редьку, лён, коноплю и рожь [6, с. 308–313]. В деревне было девять местных фамилий: Шмаковы, Борисовы, Дьячковы, Ловцевы, Казаковы, Шульгинды, Юдины, Кожевниковые, Башловкины, и все семьи также имели прозвища⁹. Многие прозвища даны по именам основателей родов: Фофановы — Васины. Ловцевы — Романовы. Поповы — Нечаевы и Налимовы. Часть прозвищ выражена не именем прилагательным, а именем существительным. Дети и внуки Шмаковой Александры Никаноровны — Корешки. Казаковых родом из деревни Пеши называли Казаковщина¹⁰. Вешняковы были одни, поэтому не имели прозвища.

Аналогичный уклад сложился в с. Долгощелье. Название села происходит от словосочетания «долгая щель». «Щель» в местном диалекте — «угор вдоль реки». Деревню Долгощелье называли Турция, а долгощельцев — турки. Объяснение происхождению этого топонима долгощельцы видят в рассказанной нам истории:

⁸ Попова А. И., 1933 г. р., с. Лекшмозеро. Родилась в д. Орлово.

⁹ Ращмакова А. В., 1924 г. р. Родилась в Мелогоре, живёт в д. Азаполье.

¹⁰ Бобылева М. В., 1938 г. р. Родилась и живёт в д. Азаполье.

— Кто-то из священников плыл здесь. Всех жителей выгнали на берег и велели кричать «ура!» Они как увидели лодку, закричали «Караул!»

— Ну и турки!

Характер долгощельской молодёжи образно передают местные частушки.

Долгощельская деревенка
Дугой, дугой, дугой.
Долгощельский ягодиничка
Не нужен никакой.
Долгощельска молодёжь
Серы кепки носит.
Один вечер погуляет —
На другой отбросит.
Долгощельские ребята
Ходят все в калошах.
Мимо окон ходят боком,
Думают — хороши¹¹.

В Долгощелье — местные фамилии: Широкие, Буторины, Медведевы, Поповы, Гаврилочкины. У Гавриловых уличная фамилия Шмаковы. Шмаковых называли Кычки (собаки). Дьячковы — Выи (от слова выя — шея). Нечаевы — Манесины. Бабушка вместо имени Манефа сказала «Манеся» и появилось прозвище Манесины. Нечаевы — Синегины. Внуки у бабушки Синеги — Синегины. Нечаевы — Арсины. Был у них дед Арсений¹².

Прялухины — Поконевы. Прадед Вешняковой Марии Андреевны говорит Ивану:

— Куда, Ванька, пошёл?
— По конёй!

А надо сказать «по кóней». Так и стали звать — Поконеевы. Теперь все Прялухины — Поконеевы¹³.

В Койде, расположенной на зимнем берегу Белого моря, на левом берегу р. Койды, жили староверы. Село возникло в первой половине XVIII в. Местные жители занимались зверобойным промыслом и прибрежным ловом сёмги. Широковы в Койде — Архиереевы. Селиверстовы — Елеины. Архиереевы — от наименования духовного сана. Елеины — от елея, освящённого масла. Поповых называли Кузьмины, потому что дед у них был Кузьмич. У деда Малыгина было прозвище Кренъ. В Койде Малыгиних называли Писулькины — прозвище произошло от неправильно произнесённого слова *печурка*¹⁴. По мнению Ружникова Васи-

¹¹ Ращмакова А. В., 1924 г. р. Родилась в Мелогоре, живёт в д. Азаполье.

¹² Ращмакова А. В., 1924 г. р. Родилась в Мелогоре, живёт в д. Азаполье.

¹³ Вешнякова М. А., 1927 г. р. Родилась и живёт в с. Долгощелье.

¹⁴ Малыгин И. П., 1924 г. р. Родился и живёт в с. Койде.

лия Васильевича (1942 г. р., с. Погорелец), «прозвище даётся тем, кто что-либо неправильно скажет, сделает или сворует что»¹⁵.

Сравнительный анализ происхождения «уличных фамилий» в Кенозерье и Помезенье указывает на присутствие в Помезенье прозвищ и родовых фамилий, выраженных именем существительным: Корешки, Казаковщина, Кычки, Выи, Поконевы. Эта тенденция получает преобладающее значение в сёлах с промысловым укладом.

В Пертоминске на Летнем берегу Белого моря не зафиксировано ни одного прозвища, выраженного именем прилагательным. А. Тюков — Бахила, Ф. Агафонов — Пришивная голова, З. Краскова — Зоря, А. Красков — Лётчик, А. Тарсуков — Шаршак, Н. Пунанцев — Кеп. Отца Юдиных из поморского села Лопшеньги звали Кесарь, а его детей — кесарята. Махнев — Махня, Карельский — Карел, Майзеров — Майзер, Казаковы — Казаки. Ю. Агафонов в детстве упал с дерева, и его стали звать Космонавтом. В. Васильев — Мытарь, Попова из Лопшеньги — Лопшарка, Тряпицина — Карниха. Н. Леснин (из Яреньги) — Семенуха (так называют куликов на местном диалекте). В деревне Красная гора (в 10 км от Пертоминска) Карельская Евдокия Фёдоровна — Куколка. Любовь Петровна Антипова (1962 г. р., Архангельск), внучка Евдокии Фёдоровны, рассказала о том, что прозвища и в наше время в представлениях пожилых людей из этих мест должны передаваться от старших к младшим:

— Отец у тебя Пётр?

— Да.

— А бабушку твою Куколка звали? Значит, и ты — Куколка.

Происхождение того или иного прозвища обусловлено редкой профессией человека (Кеп, Лётчик), искажением фамилии (Махня, Майзер, Казак), принадлежностью к месту жительства (Лопшарка), особенностями поведения или внешности (Шаршак — шаркает ногами, Куколка — отличается исключительной аккуратностью), событием в жизни (Космонавт, Бахила).

Изменение типа хозяйствования от преобладающего земледелия к рыбным промыслам влечёт за собой трансформацию коммуникативного пространства. Промысловый тип культуры выявляет «мужские» качества: стремление к расширению освоенной территории («до Тюмени — все мезенцы»), индивидуализм, склонность к старообрядчеству.

Культ говорит о смысле человеческой жизни, а культура — это способ реализации «мысленной модели действительности» [8, с. 321], выраженной в имени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск: Поморский ун-т, 2004. 431 с.
- 2 Критский Ю. М. Кенозерье: история и культура / подг. текста В. Н. Матонина. Архангельск: Правда Севера, 2005. 207 с.

¹⁵ Ружиников В. В., 1942 г. р. Родился и живёт в с. Погорелец.

- 3 Крысанов А. А., Матонин В. Н., Рапенкова С. В., Тюкина С. Л. и др. «Не век жить — век вспоминать». Народная культура Поонежья и Онежского Поморья. Онега — Архангельск — Москва: Тов-во северного мореходства, 2011. 382 с.
- 4 Матонин В. Н. История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей. Архангельск — Москва: Тов-во северного мореходства, 2011. 358 с.
- 5 Матонин В. Н. «Наше море — наше поле». Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск: САФУ, 2013. 334 с.
- 6 Окладников Н. А. Мезенские деревни. Исторические очерки. Архангельск: Правда Севера, 2012. 408 с.
- 7 Суперанская А. В. Имя через века и страны. М.: Наука, 1990. 325 с.
- 8 Флоренский П. А. Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях // Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Русская книга, 1993. 365 с.

* * *

Matonin Vasiliy Nikolaevich,
PhD in history, editor-in-chief
of the anthology «The Solovki Sea»,
Associate Professor, Northern Arctic Federal University,
Northern Dvina Embankment, 17,
163000 Arkhangelsk, Russian Federation
E-mail: matoninv@yandex.ru

TRIBAL NAMES AND NICKNAMES: THE STUDY OF THE COMMUNICATIVE SPACE OF KENOZERIE AND POMEZENIE

Abstract: The study aims to determine the mechanism of naming as one of ways of formation of the communicative space. Based on field materials collected by the author in 2000–2013’s., the paper compares and contrasts tribal names and nicknames in Kenozye and Pomezenie in Arkhangelsk region, where in one case agriculture dominates, and in other case — fisheries crafts are developed. Peasants received tribal names after the names of the parents or relatives, the place of living or birth. Nicknames emphasized the distinctive features of the appearance or the behavior of a peasant. Nicknames became official surnames and were tools to tribal identification. The author formulates the hypothesis that tribal names and nicknames are expressed by a noun in the villages, where marine crafts were the predominant form of business activities. Nicknames and tribal names derived from an adjective prevail in the agricultural areas. In the author’s opinion, this fact suggests that there are peculiarities of mentality of industrialists and farmers.

Keywords: communicative space, Kenozye, Pomezenie, Lekshmozerie, naming, nicknames, identification.

REFERENCES

- 1 Drannikova N. V. *Lokal'no-gruppovye prozvishcha v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa* [Local and group nicknames in the traditional culture of the Russian North]. Arkhangelsk, Pomorskii un-t Publ., 2004. 431 p.
- 2 Kritskiy Iu. M. *Kenozer'e: istoriia i kul'tura* [Kenozerie: history and culture], ed.-compiler V. N. Matonin. Arkhangelsk, Pravda Severa Publ., 2005. 207 p.
- 3 Krysanov A. A., Matonin V. N., Rapenkova S. V., Tiukina S. L. and other. «*Ne vek zhit' — vek vspominat'*». *Narodnaia kul'tura Poonezh'ia i Onezhskogo Pomor'ia* [«Not a century to live — a century to remember»]. The traditional culture of Poonezhye and Onega sea coast]. Onega – Arkhangelsk – Moscow, Tov-vo severnogo morekhodstva Publ., 2011. 382 p.
- 4 Matonin V. N. *Istoriia ot pervogo litsa. Mir severnoi derevni nachala XX veka v pis'mennykh svidetel'stvakh sel'skikh zhitelei* [The history in the first person. The world of northern village at the beginning of the 20th century in the written records of peasants]. Arkhangelsk – Moscow, Tov-vo severnogo morekhodstva Publ., 2011. 358 p.
- 5 Matonin V. N. «*Nashe more — nashe pole*». *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoi derevni: genezis, struktura, semantika* [«Our sea is our field». Socio-cultural space of northern villages: genesis, structure, semantics]. Arkhangelsk, NArFU Publ., 2013. 334 p.
- 6 Okladnikov N. A. *Mezenskie derevni. Istoricheskie ocherki* [Mezen villages. Historical essays]. Arkhangelsk, Pravda Severa Publ., 2012. 408 p.
- 7 Superanskaia A. V. *Imia cherez veka i strany* [The name through centuries and lands]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 325 p.
- 8 Florensky P. A. *Analiz prostranstvennosti v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniiakh* [Analysis of spatiality in the graphic works of art]. *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [The iconostasis. Selected works on art]. St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., 1993. 365 p.